

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ДО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения)

декабрь 1979 г.

Часть I (2)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1981

⁹ М.В.Софронов считает морфему ʒi^2 префиксом (М.В.Софронов. Грамматика..., т. I, с. 236).

¹⁰ М.В.Софронов считает редупликацию прилагательных еще одним способом выражения превосходной степени прилагательных (там же, с. 230). Приводимые им примеры вырваны из контекста предложения. Мы намеренно привели примеры именно на те прилагательные, которые указаны М.В.Софроновым — ʒi^2 nda^2 "хороший" и ʒi^2 nda^1 "быстрый", однако мы не уверены в том, что ʒi^2 nda^1 "быстрый" — это прилагательное.

В. А. Лившиц

Согдийцы в Семиречье: лингвистические и эпиграфические свидетельства

Махмуд Кашгарский, собиравший в Семиречье в 60-х гг. XI в материалы для сравнительного словаря тюркских языков (Дивāн лугāt ат-турк), был свидетелем одного из важнейших изменений этнической карты этой области: завершения процесса ассимиляции согдийцев тюрками (по словам В.В.Бартольда, "последняя стадия денационализации" согдийцев Семиречья). В словаре Махмуда Кашгарского содержатся данные, позволяющие составить четкое представление об основных признаках этого процесса: согдийско-тюркское двуязычие в некоторых районах Семиречья (в том числе в Баласагуне, Таразе, Исфиджабе, см. Дивāн..., I, 30); полная утрата согдийцами своего языка в других районах; преобразование фонетической системы ряда тюркских диалектов Семиречья под воздействием согдийской фонетики ("мягкость" в диалектах племен сугдак, кеджак и аргу — I, 29; изменения в фонетике тюркской речи всей области Аргу, от Исфиджаба (согд. *Spētč=ār, букв. 'Белая река', ср. арабское название Исфиджаба — Мадīнат ал-байда 'Белый город') до Баласагуна — I, 31; это явление можно, очевидно, объяснять не только как результат согдийского зубстрата, но и как следствие двуязычия тюркского населения городов Семиречья); утрата ряда характерных этно-культурных особенностей, присущих согдийцам, предшествовала, по-видимому,

их полной языковой ассимиляции (I,39I и сл. - согдийцы Бальсагуна "приняли одежду и нравы тюрок").

Сведения письменных источников (в частности, данные ранне-средневековой топонимии) указывают на существование в Семиречье многочисленных городских поселений, основанных согдийцами. Эти данные в настоящее время существенно дополняются археологическими материалами, которые характеризуют масштаб и этапы согдийской колонизации Семиречья (по А.Н.Бернштаму, две главные волны колонизации - III-V и VII-X вв.), роль согдийцев в городской жизни, ремесленном производстве, торговле и культуре. Можно полагать, что среди согдийцев Семиречья были не только горожане-ремесленники и торговцы, но и жители земледельческих сельских поселений (ср. положение в Восточном Туркестане).

Военно-политическое господство тюрок и характерная для турецкой государственной структуры удельно-лестничная организация власти должны были взаимодействовать на территории Семиречья с традициями политического и административного устройства согдийских городов (насколько мы знаем о них для Самаркандского и Бухарского Согда). Данные арабских и персидских источников здесь очень немногочисленны. Заслуживают внимания упоминания о том, что во главе поселений, в которых жили согдийцы, стояли представители турецкой знати (см., например, отмеченное еще В.В.Бартольдом сообщение Худуд ал-'Алам, л.18-б, о семиреченском селении Бигилиг, согдийское название - Самакнā (?), которое могло выставить 3000 воинов, во главе с дикханом Йинал-бег-тегином). Аналогичные данные можно извлечь из древнетюркских манихейских текстов, происходящих из согдийско-тюркских поселений Восточного Туркестана (Турфан, VIII-X вв.); особенно важна в этом отношении эвлогия, написанная манихейским священником тюрком Агдуком по случаю воцарения в "стране Аргу-Талас" карлукского принца, покровительствовавшего манихеям в городах Семиречья. О тюрках - главах или покровителях согдийских городских общин упоминают согдийские надписи, обнаруженные в Семиречье.

Согдийско-тюркский культурный симбиоз, ярко проявившийся в великой эстафете согдийской письменности, наложил отпечаток на лексику как древнетюркского, так и согдийского языков. Речь идет о двусторонних заимствованиях из разных лексических слоев. Ср., например, помимо отмеченных в "Древнетюркском словаре" (Л., 1969): др.-тюрк. (по Махмуду Кашгарскому - в диалектах

аргу и ятма) *maḡaz* 'поденщик, баграк' из согд. *maḡāz*; др.-тюрк. (огузское, по Махмуду Кашгарскому) *ṣat* 'колодец' из согд. *ṣāt*; др.-тюрк. *boḡč* 'долг' из согд. *puḡč*; др.-тюрк. *qam* 'шаман' из согд. *kaw* 'жрец; великан'; др.-тюрк. *suḡaīč* 'зимние пирушки, которые устраивались в порядке очередности' из согд. **suḡaīč*, от *suḡā-* 'очищенный огнем; святой' (ср. для семантики тадж. *alou-xona*, букв. 'дом огня' - название мужских общинных домов); др.-тюрк. *amanč* 'знатный, уважаемый, благородный' из согд. **āmanč*, от *āman* 'мощь, авторитет'; др.-тюрк. *qatır* 'мул' из согд. *xartar*; др.-тюрк. *miškič* 'дикий кот' из согд. *māškič*; др.-тюрк. *qumlaq* 'эфедра, хвойник' (название растения) от согд. *xōm* 'хаома' (священное растение у зороастрийцев); др.-тюрк. *baqır* 'мера веса' из согд. *panxer*, и мн.др.; с другой стороны - согд. *βidiz* 'резьба, орнамент' из др.-тюрк. *bediz*; согд. *kap* 'форма, шаблон' из др.-тюрк. *ker*; согд. *āḡāβ* 'пламя' из тюрк. *alov* 'огонь, пламя', и др.

Многочисленные заимствования из согдийского в древнетюркской культовой лексике, связанной с тремя усвоенными через посредство согдийцев религиями - буддизмом, манихейством и несторианским христианством, точно свидетельствуют о времени и путях распространения этих религий в тюркской среде. Для Семиречья о наличии согдийцев-буддистов можно судить, в частности, по находке на территории буддийского храма в Ак-Бешиме булл с согдийской надписью (*prn* 'благодать'). Роль согдийцев в распространении христианства среди тюрков Семиречья отразилась в применении согдийского варианта сирийско-несторианского алфавита (эстрангело) для фиксации древнетюркских христианских текстов. Этот вариант письма мы находим не только в древнетюркских христианских фрагментах из Турфана, но также в большой, уйгурской по языку надписи на золотой печати знаменитого несторианского патриарха, тюрка Мар Яхбаллаха III (печать была ему пожалована в 1281 г. ильханом Абака-ханом) и, что особенно важно, в тюркских несторианских ("сиро-тюркских") эпитафиях из Семиречья, XIII-XVI вв. Во многих текстах этих эпитафий можно обнаружить и не распознанный до сих пор согдийский термин: *qwāt'na*, это слово следует только после женских имен собственных, оно соответствует тюркскому произношению *qoštānč*, из согд. **xuštānč* 'старшая; руководительница, настоятельница', по форме - жен. род к *xušte*, *xušt* 'старший; глава, мастер' (вариант *xuštār* отражен в др.-тюрк. *qoštr*). Этот термин

должен был быть заимствован, очевидно, еще до XI в. и сохранился в течение нескольких столетий у тюрков-несториан Семи-речья.

Согдийское письмо и согдийский письменный язык до создания древнетюркских письменностей (уйгурской и рунической) были, несомненно, в официальном употреблении в тюркских государствах Семиречья. Об этом свидетельствуют надписи на тюркешских монетах, правильно определенные О.И.Смирновой как согдийские не только по письму, но и по языку. Аналогичным было положение в других ранних тюркских государствах: на берегах Орхона, в I каганате, в конце VI в. пышную эпитафию кагану составляли и писали на согдийском языке; в тюркских княжествах Тохаристана на подражания сасанидским драхмам наносили надчеканы, на которых согдийскими буквами переданы тюркские титулы ($\gamma' \gamma' n$ 'каган', $tkyn$ 'тегин' и др.). Применение согдийского языка и письменности было связано с двумя основными причинами: наличием согдийских поселений и международным престижем согдийского языка.

На тюркешских монетах VIII в. представлен "один из подготовительных этапов адаптации тюрками Семиречья согдийского письма" (А.И.Щербак). Следующий этап, казалось, должен был привести к быстрому вытеснению согдийской письменности (и письменного языка) древнетюркскими – уйгурской, прямо продолжающей согдийскую, и рунической, которая также была создана, по-видимому, на основе согдийской, но с сильной трансформацией знаков. Однако уйгурская и руническая письменности лишь сузили сферу применения согдийской; примечательно, что среди согдийских – по языку и письму – надписей из Семиречья, известных в настоящее время, есть и составленные тюрками.

Согдийский письменный язык не сдал своих позиций в Семиречье и в IX–X вв., когда в этой области стала распространяться арабская письменность. Наиболее поздние из известных в настоящее время согдийских надписей Семиречья относятся к началу XI в.; эти надписи – самые поздние из до сих пор обнаруженных датированных согдийских памятников.

Еще сравнительно недавно считалось, что в Семиречье известен лишь один фрагмент согдийской надписи на керамике (надпись на ручке глиняного сосуда с городища Красная речка, по палеографии – IX-нач. X в., сохранилось лишь одно слово). В настоящее время в нашем распоряжении имеется две группы надписей:

на керамике и на скалах. Эти надписи в равной мере важны для филолога и историка: в них содержится не известная ранее согдийская лексика; некоторые особенности языка надписей (в частности, применение указательного местоимения 'узу 'это(т)' и оптативной частицы ʃʉr) указывают на их диалектную специфику (сходные особенности можно отметить и в согдийских надписях из Монголии – Бугутской и Карабалгасунской); в семиреченских надписях обильно представлены древнетюркские имена собственные, нередко в сопровождении согдийских титулов; в этих надписях содержатся данные, позволяющие судить об исторической обстановке и конфессиональной среде, в которых эти памятники были созданы; в нескольких наскальных надписях сохранились даты.

Большинство надписей на керамике начертаны поздним согдийским курсивным письмом и могут быть датированы IX–X или даже началом XI в. К этому периоду относятся: а) Надпись на венчике хума, найденного в 1941 г. на городище Красная Речка.¹ Надпись занимающая всю окружность венчика, гласит: 'узу ʃʉʃк угуʃтку mlp'ny rʉʃr ʃw ʃwšt'ry pstwn ʃw frʃwnʃy y't 'myn 'myn 'Этот хум (предназначен) для учителя ʃарук=тегина Мастер – Пастун. Пусть будет он (=хум) наполненным, аминь, аминь!'

Имя ʃарук=тегин известно в древнетюркской ономастике.² В надписи оно сопровождается сирийским титулом mlp'ana^h 'учитель, наставник' (mlp'ny – согд. форма косвенного падежа), впервые, насколько известно, засвидетельствованным в согдийском, но многократно представленным в "сиро-тюркских" эпитафиях из Семиречья. Этот титул, а также заключительное 'аминь, аминь' не оставляют сомнений в том, что знатный тюрк ʃарук=тегин был одним из руководителей христианской общины города Сарыга (согласно А.Н.Бернштаму, Сарыг соответствует городищу Красная Речка).

б) В мастерской гончара Пастуна был изготовлен еще один хум, обнаруженный в 1941 г. на том же городище, с более краткой надписью³: 'узу ʃʉʃк ʃwšt'ry pstwn 'Мастер этого хума – Пастун'.

в) В археологическом кабинете Ташкентского Гос. Университета хранится фрагмент венчика хума, также найденный на Красной Речке; на фрагменте сохранились лишь начало и конец надписи⁴: 'узу ʃʉʃwn (или ʃʉʃwn) prʃʃtkwʃ ʃ(·)ʃy ʃ'у 'Этот сосуд подарен ʃ... да будет!'

г) О подарке жителей одного из согдийских поселений Семиречья своему сызрену, тюркскому владельцу, можно судить по большой двустрочной надписи на венчике хума, который был найден в 1941 г. на городище у с.Покровка, примерно в 10 км к западу от Красной Речки⁵:

(1) 'улу wra'k p'k'pč n'βcyh β'γny 'улу mβw β't š't
znp w'γr γβw βур wуn'n (?)

(2) MN βууβу рпаурту⁶ 'lp pylk' γβw γур γwčstw βур'k
'Этот сосуд - дар общины Пакапа. Это вино в радостное время пей, государь, ... Государь Алп=Бильге, получивший счастье от богов, да будет счастливым, благоденствующим!'

Селения или города Пакап (Рiкiр) в арабско-персидских источниках обнаружить не удалось, однако не вызывает сомнений, что это была одна из согдийских колоний в Чуйской долине (возможно, пригород Сарыга).

д) Краткая согдийская надпись на венчике хума обнаружена при раскопках городища Якалыг в Чуйской долине⁷: βурртн sps'у 'епископ Ширфарн'. Имя Širfarn - типично согдийское. Второе слово является обозначением духовного сана, известного по манихейским текстам из Турфана, но употреблявшегося, вероятно, и в согдийско=христианской терминологии.

е) С городища Тараз происходит краткая вертикальная надпись, вырезанная на стенке хума⁸: 'yl t'γ msyδr 'пресвитер Иль=таг' - тюрк, который был христианским или манихейским пастырем.

ж) К IX или X в. можно отнести вертикальную надпись из 3 коротких строк, процарапанную на шиферной пластинке (найдена в 1938 г. при раскопках Тараза).⁹ По содержанию это - памятная долговая запись: (1) rty 'sty pr z'y twmkt (2) čtβ'r zy душ'kw (3) δrγy¹⁰ 'И имеется за округом ('землей') Тумкат четыре с половиной драхмы'. Заслуживает внимания топоним Twmkt (Tumkat) - название округа и, вероятно, города, которое напоминает Тункат (Tunkat) и Тук(к)ас (Tuk(k)a¹¹) арабско-персидских источников.

Особую группу составляют согдийские наскальные надписи в ущельях Терек=сай и Кулан=сай на южном склоне хребта Киргизский Алатоо, к северу от современного г.Талас. Эти надписи известны науке уже с конца XIX в. Они начертаны вертикальным курсивным письмом и по палеографии близки к уйгурским памятникам; до недавнего времени они считались уйгурскими и по языку (такое определение было дано В.В.Радловым, который мог ознакомиться лишь с прорисовками нескольких строк).¹¹

Надписи принадлежат к числу "посетительских", они содержат перечни (иногда очень обширные) имен, в подавляющем большинстве древнетюркских. Это имена путников, поднимавшихся по караванным тропам через ущелья Терек=сай и Кулан=сай. Согдийские нарицательные существительные, союзы, глагольные формы, а также формулы датировки достаточно точно определяют язык этих надписей, как согдийский. Лишь очень краткие надписи, которые содержат только тюркские имена собственные, могут быть отнесены к числу уйгурских.

Несколько надписей имеют даты по эре Иездигерда III (этой эрой пользовались согдийцы=зороастрийцы, но также христиане и манихеи), они приходятся на период от начала X до конца первой четверти XI в.

Краткая надпись I=a в ущелье Терек=сай^{I2} - самая ранняя из датированных надписей этой группы, начертал ее тюрк:

(1) 'kwsrh 'g'w 100 (2) 20+20+20+10+5 sr' nyp'usum

(3) 'уцу рст'у џwβw (4) kw1 tk'yn 'lp tr'yn ' 275=й год хосрова (=Иездигерда III). Мы написали эту надпись - государь Кюль=тегин Алп=таркан'.

На большой скале в Терек=сае выбиты 7 согдийских вертикальных надписей и 3 рунических. Это самый большой по объему эпиграфический комплекс на всей территории Средней Азии. Наиболее поздняя, судя по ее положению на скале, надпись (II=ж) сохранила дату - первый месяц 371 г. эры "хосрова", что соответствует 1002 г. н.э. Другие согдийские надписи на этой скале относятся, вероятно, к X в. В сохранившихся частях надписей представлены перечни древнетюркских имен, мужских и женских, причем некоторые мужские имена сопровождаются титулом џwβw 'государь', а при женских регулярно выступает титул γ'twn 'хатун, госпожа'; в надписях упоминаются также имена дочерей (сочетание и.с. + согд. δγwt' 'дочь'). В надписи II=г мы вновь встречаем указание на то, что согдийскую надпись написал тюрк: 'lp rw'gr' џwβw 'уцу нуруз 'Государь Алп=богра это написал'.

В ущелье Кулан=сай на гранитной скале выбиты 2 согдийские и 1 руническая надпись, в том числе большая согдийская из 18 вертикальных строк (надпись III=a). Она датирована 6=m месяцем 394 г. эры "хосрова", что соответствует августу-сентябрю 1025 г. Это - самый поздний из всех известных в настоящее время согдийских текстов, имеющих точные даты. В надписи приведен эквивалент даты по тюркскому 12=летнему циклу - 'год Мыши' (шwž sr'). Среди древнетюркских имен, перечисленных в надписи, 9 мужских

и 9 женских. Особый интерес вызывает 'государь Иль=тиргюк Алп=бургучан Алп=таркан' ('yl tyrkwk 'lp arwč'n 'lp trj'n jwβw), имя которого точно совпадает с именем чигильского правителя Аргу - Таласа в колофоне древнетюркского манихейского текста из Турфана.

В заключительной, 18-й строке надписи содержится тюркское имя ее составителя - Культак, с эпитетом 'благословенный' (kwyltk prnjwnty). Возможно, что именно об этом лице писал в своем словаре Махмуд Кашгарский (I, 394): "Qulbaq - имя тюркского отшельника, который постоянно жил в горах Баласагуна. Рассказывает, что он писал своей рукой на твердой черной скале: t̄āgrī qulī Qulbaq ('раб божий Кулбак'), и надпись получалась белой. И писал он таким же образом на белой скале, и получалась черная надпись. Следы его остались до сих пор".

¹ Надпись ранее не публиковалась, хранится в Историческом музее г. Фрунзе. О находке ее упоминал А.Н.Бернштам (Уйгурская эпиграфика Семиречья. I, - ЭВ, I, 1947, с.34), он считал надпись уйгурской и датировал - по археологическим данным - IX-XI вв.

² Древнетюркский словарь, Л., 1969, с.244.

³ Подробное описание хума (хранится в Историческом музее г. Фрунзе) и прорисовку надписи см.: А.Н.Бернштам, ук.соч., с.34-37 и рис.2 (А.Н.Бернштам пытался читать надпись по-уйгурски). См. также фотографию надписи: Ч.Джумагулов, Эпиграфика Киргизии, I. Фрунзе, 1963, с.37-38, рис.20.

⁴ Фрагмент не публиковался.

⁵ Хум хранится в музее школы-интерната г. Фрунзе. Фотография надписи опубликована Ч.Джумагуловым (ук.соч., с.40, рис.22). Попытку чтения надписи как уйгурской предложил Э.Р.Тенишев (Древнеуйгурские надписи Киргизии, - НАА, 1964, № I, с.146-147).

⁶ Чтение первых трех слов 2-й строки см.: О.И.Смирнова, Согд, - ПС, вып. 21 (84), Л., 1970, с.144.

⁷ Надпись не опубликована, хранится в музее г. Джембула.

⁸ Не издана, находится в том же музее.

⁹ Фотографии надписи см.: А.Н.Бернштам, Новые эпиграфические находки из Семиречья, - ЭВ, II, 1948, с.III, рис.5.

10. Описка вместо *δγυμυ*.

11 Об открытии и изучении этих надписей см.: ПТКЛА за второй год. Ташкент, 1897, с.13; В.А.Каллаур, Археологическая поездка по Аулиеатинскому уезду, - ПТКЛА за второй год, приложение к протоколу от 29.УШ 1897 г., с.4-6; ПТКЛА за второй год, протокол от 10.ХI 1897 г., с.6; В.А.Каллаур, Новая археологическая находка в Аулиеатинском уезде, - ПТКЛА за третий год. Ташкент, 1898, с.123-124; П.П.Иванов, К вопросу о древностях в верховьях Таласа, - "С.Ф.Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности", Л., 1934, с.249-250; М.Е.Массон, Археология на службе социалистического строительства. Новые пути археологии Средней Азии, - "Червоный сьхд", Харьков, 1931, № 1-2 (16-17), с.207; его же, К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии, - "Материалы Узкѣмстариса", вып.6-7, М.-Л., 1936, с.11-12; Б.В.Дунин, Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958, с.142-147; Ч.Джумагулов, Эпиграфика Киргизии, I, с.7; С.Сыдыков, Древние надписи в ущельях Кулан-сай и Терек-сай, - "Материалы по общей тюркологии и дунгановедению". Фрунзе, 1964, с.102-106.

В 1973 и 1975 гг. автор этих строк исследовал надписи на месте, в ущельях Терек-сай и Кулан-сай. Подробные описания и чтения всех надписей, с переводами комментариями, будут даны в книге "Согдийская эпиграфика Семиречья".

¹² См. фотографии: Ч.Джумагулов, ук.соч., с.41, рис.24. Э.Р.Тенишев (Древнеуйгурские надписи Киргизии, с.148-149) чи-

тает эту надпись по-уйгурски и переводит: 'Что за монахи, что за колокол! 1590-91 /год/, сподвижники, вероучители, мияне. Вода чуйских людей, выйдя из озера, превращается водопадом.' Все это очень странно .

Н. И. Носова

ГЛАГОЛЫ С ПЕРЕМЕННЫМ ОКРУЖЕНИЕМ В БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Известно, что важнейшей классификацией глаголов является распределение их по классам в зависимости от типа окружения — от числа и характера синтаксических единиц (актантов), которые должны употребляться при данном глаголе в полном, неэллиптическом предложении вне контекста. Иначе говоря, зная принадлежность глагола к такому рода валентностному классу, мы знаем, с каким числом актантов определенного вида этот глагол обязательно должен сочетаться, чтобы конструкция, ядром которой он выступает (в частном случае — предложение), была полной.

Некоторые глаголы могут иметь различные окружения, и это объясняется не их лексической многозначностью¹, а грамматической (синтаксической) "поливалентностью". Например, трудно утверждать, что значение русского глагола "ест" в предложении "Иван ест" (ответ на вопрос "Что делает Иван?") отличается от значения того же глагола в предложении "Иван ест кашу". В то же время оба предложения, по-видимому, являются полными (неэллиптическими). Отсюда следует, что глагол "ест" обладает переменным окружением, или, иначе, является одно-/двухактантным²: существует две возможности придать ему полное окружение — употребить только один актанта (подлежащее) или же использовать два актанта (подлежащее и прямое дополнение). Важно, что в обоих случаях в окружение не входят синтаксически необязательные компоненты наподобие обстоя-